

ТАТЬЯНА ЛЕВАНОВА

СКВОЗНЯКИ

ПЕРВАЯ
МИССИЯ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Л34

Серия «Сквозняки между мирами»

Разработка серийного оформления
Марины Акининой

Леванова, Татьяна Сергеевна
Л34 Сквозняки. Первая миссия / Татьяна Леванова. — Мос-
ква: Издательство АСТ, 2017.— 380, [1] с.— (Сквозняки
между мирами).

ISBN 978-5-17-104915-7

Хотели ли бы вы путешествовать между параллельными мирами? Почувствовать себя всемогущей волшебницей?

Школьница Маша Некрасова поссорилась с родителями и убежала из дома. Все, что у нее с собой было: карманное зеркальце, любимый кристалл-амулет и пакетик леденцов, — не слишком похоже на набор юного мага, который выручит в странном лесу, куда она забрела. Крохотные человечки, верхом на черных жуках, привели ее к жилищу шарлатана Фаринго Великолепного. А лиловый кролик в упряжке фургончика привез в златоглавый Как-о-Дум — яркий город клоунов и аттракционов.

Но за ширмой вечного праздника скрывались темные тайны, а испытания, выпавшие Маше, открыли ей собственное предназначение. Ведь Маша — Сквозняк — и у нее великая миссия...

© Татьяна Леванова, 2017

© Марина Акинина, рисунок на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящается
великому шарлатану Валенскому М. Н.*

Глава 1

Как Маша ушла из дома

Маша любила осень. За прозрачность воздуха после летней пыли и теплого ветра, за яркие, балаганные цвета по сравнению с неизменными белым, голубым и зеленым других времен года. А больше всего за деловитую энергичную суету, что чувствовалась повсюду. Казалось, город измучен летним бездельем, каникулами и пикниками. К зиме он устанет и замрет от холода, а весной вновь будет жить предчувствием летнего праздника. Честно говоря, только осенью Маша любила ходить в школу. Когда за окном шуршала листва и лил дождь, в классе казалось особенно уютно. Учителя меньше спрашивали и в основном рассказывали что-нибудь новое, а это было намного интереснее бесконечных тестов, опросов и контрольных. В общем, Маша всегда радовалась осени. Единственное, что ей портило сезонное настроение, это покупка одежды для школы.

Вот и сегодня, в ожидании неизбежной примерки, Маша, как могла, боролась с плохим настроением.

И хотя августовское солнце светило уже не так ярко, чтобы была необходимость в темных очках, она и не думала снимать их. Ей нравилось ходить в солнцезащитных очках, бандане и джинсах, что бы там ни считали Светка Новоруссова, классная руководительница Марина Константиновна, по прозвищу Скотиновна, и мама. Впрочем, мама-то как раз всегда говорила, что главное — это быть самой собой, однако в том, что касается одежды, увы...

— Одежда должна быть рассчитана на разные случаи жизни, — утверждала мама. — Для школы, для дома, для театра, для улицы.

— Одежда должна быть удобной и подчеркивать мою индивидуальность! — спорила Маша.

— Так-то оно так, но ведь нельзя же все время ходить в джинсах... — не сдавалась мама.

Поэтому она отправилась в магазин без дочки, чтобы купить той одежду для школы. Маша заранее ни сколько не сомневалась, что мама выберет такое, что ей не понравится. В ожидании вечерней ссоры она поспонялась по квартире, не снимая любимые кроссовки на платформе, немного попинала стены и мебель, правда, очень осторожно и при этом предварительно вымыв обувь.

— Должна же я снять стресс! — объяснила Маша прадедушке, укоризненно на нее смотревшему с портрета. Прадедушка понимающе вздохнул, хотя, возможно, это был просто солнечный зайчик, скользящий по стеклу старинной фотографии. Пока Маша

рассматривала портрет, загрохотал замок входной двери. Пришла мама.

— Маша, ты дома?

Маша не ответила. Она готовилась к войне.

— Ты чего молчишь?

Мама вошла в комнату, веселая, хоть и усталая, нагруженная пакетами. Бросив их на диван, она принялась разбирать вещи, искоса поглядывая на насупившуюся дочь.

— Почему ты в обуви? — на удивление спокойно спросила мама.

— Они чистые, — буркнула Маша.

— Все равно. Ноги испортишь. Надень тапочки. Нет, лучше лаковые туфельки, сейчас мы устроим показ моделей!

Маша подняла темные очки на лоб, так, чтобы они придерживали ее длинные русые волосы, горестно посмотрела в сторону пакетов с одеждой. Вообще-то она любила красивые новые вещи, но, как уже упоминалось выше, понятия о красоте у них с мамой различались. Родителям ведь не объяснишь, что ты тоже человек, со своими вкусом и стилем.

Полная самых мрачных предчувствий, она сняла джинсы, но оставила на ногах свои любимые черные кроссовки и желто-зеленые носки. Мама бросила на нее насмешливый взгляд — она знала характер своей дочери — и решила пока не спорить.

— Давай посмотрим.

Из пакетов на свет появились короткая черная юбочка в складочку, белая блузка с вышитым круглым воротничком, ажурные детсадовские гольфики.

Маша надела обновки (отложив гольфы в сторону, чтобы уж совсем не расстраиваться) и с тяжелым вздохом уставилась на себя в зеркало. В этот момент раздался стук в дверь — с работы пришел папа.

— Что тут у нас? Маша, ну вообще! Настоящая отличница! В школу так пойдешь?

Папа с мамой переглянулись как заговорщики. Это Маше совсем не понравилось. Они что, решили, что она пойдет — в ЭТОМ?

— Только через мой труп! — мрачно ответила Маша.

— Почему? — искренне удивилась мама. — Ты как будто...

— Сбежала из группы «Тату».

— Глупости! Я хотела сказать — настоящая маленькая бизнес-леди.

— Это не мой стиль.

Папа тяжело вздохнул, и мама послала ему умоляющий взгляд. Маше казалось, что она читает ее мысли: «Помоги же мне уговорить это маленькое чудовище!»

— Машутка, Марина Константиновна сказала, что больше не пустит тебя в класс, если ты еще раз придешь в школу в джинсах.

— Я помню. Но Светка Новоруссова опять спросит, от какого кутюрье я одета!

— Не заслужила ты одеваться от кутюр, мала еще! И вообще нет у меня таких денег! — рассердился папа.

— Да я и не хочу, я не тряпичница,— поспешила согласиться Маша,— но в этом...

— Очень миленько. Теперь надень белые гольфики и лаковые туфельки, а мы на тебя полюбуемся.

— Ни за что! — твердо сказала Маша. — И не заставляйте! На такую красоту только маньяков ловить!

— Ты откуда такие слова знаешь? — закричала мама — такого от своей своенравной, но в сущности хорошей дочери она никак не ожидала.

— Понятненько,— сквозь зубы процедил папа,— отныне никакого Интернета и телевизора. Это там ты таких слов нахваталась. Будешь сидеть под домашним арестом и учить уроки. Да, и никакого телефона!

— Нет! — крикнула Маша и, сдернув с вешалки любимую кожаную куртку, выскочила за дверь. Родители что-то кричали вслед, папа даже, кажется, побежал за ней, но Маша помчалась так быстро, как только могла — перескакивая через две ступеньки, не глядя на светофор, чудом не попав под машину, и остановилась лишь тогда, когда закололо в боку. Она села на какую-то ободранную скамейку, не заботясь о новой юбке, и попыталась отдышаться. По обе стороны от нее стояли обычные дома. Закатное солнце окрасило их в нежно-розовые тона, в некоторых окнах уже горел свет. Маша с тоской смотрела на эти окна, на чужую жизнь, которая казалась ей мирной и уютной. Пожалуй, не стоило так разговаривать с папой и мамой. Но теперь

уже поздно. Если она вернется домой, то попадет под домашний арест.

— Я буду жить в лесу,— решила Маша.— Соберу шалаш из веток, зимой построю из снега иглу. Стану Робинзоном. Насушу грибов, ягод, буду жечь костер... А есть ли у меня спички? — Маша вывернула карманы куртки.

Полпачки мятной жвачки, носовой платок, паке-тик леденцов, десять рублей мелочью, пластмассовое складное зеркальце в комплекте с гребешком — Маша всегда носила его с собой. Кроме этого был талисман на шее — полупрозрачный белый камень на шнурке, кажется, кварц или горный хрусталь. «Продам, если буду умирать с голоду»,— решила Маша. Не густо для начала самостоятельной жизни, но делать нечего. Передохнув, Маша встала со скамейки и пошла между домов к парку — она бывала в этом районе и знала, что за небольшим парком будет остановка троллейбуса, шум дороги уже отсюда слышно, на троллейбусе она доедет до конечной остановки, а уже оттуда пойдет в сторону леса.

Солнце садилось в багровые тучи. Когда Маша вошла в парк, она больше не видела солнца и лишь смотрела на удлиняющиеся тени деревьев, гадая, успеет ли она оказаться в лесу до темноты. Наверно, нет. Между деревьями уже сгущалась темнота, на постепенно синеем небе проглянули первые звездочки. Вдруг Маша обнаружила, что не слышит шума дороги. Парк наполнился таинственными звуками, шорохами,

шелестом. Очень устали ноги, хотелось пить. Маша сунула в рот мятную жвачку и осторожно встала на колени в надежде, что ноги хоть немного отдохнут, — она знала, что сидеть на земле нельзя. Опустившись на колени, девочка поняла, что дорога, по которой она шла, — не асфальт, а просто хорошо утоптанная земля, удивительно ровная, без колеи и следов. Ей бы следовало раньше обратить внимание на то, что ее шаги звучат глухо и мягко.

— Куда это я забрела? — удивилась она. Попробовала было пойти обратно, но вскоре обнаружила, что находится вовсе не в городском парке. Стало совсем темно. Вблизи она еще видела деревья и кусты, но дальше дорога просто исчезала в темноте. Маша не боялась темноты, но сейчас она сразу вспомнила самые страшные рассказы, которые когда-либо читала или слышала — о хищниках, чудовищах и преступниках.

— Мне нужно найти дерево, на которое можно залезть и пересидеть до утра, — наконец сказала себе девочка, — правда, сомневаюсь, что это спасет от рыси, или тигра, или не менее голодного бомжа, или кто тут водится.

Опасаясь потерять дорогу, она оглядывала деревья, растущие у обочины, но все они были слишком тонкие. Маша не теряла надежды и шла все дальше, прислушиваясь к пугающим лесным звукам. Вдруг далеко перед собой она увидела разноцветные огоньки, похожие на новогоднюю гирлянду. Девочка поспешила к

ним, подумав было, что это витрина магазина с рекламой, но огоньки отдалялись от нее, кружась и мельтеша.

— Подождите! — задыхаясь, крикнула Маша, перейдя на бег, от которого усталые ноги подворачивались на пружинящей каучуковой платформе кроссовок.

Огоньки послушались и остановились. Когда Маша подбежала поближе, то увидела крохотных человечков с разноцветными фонариками на шапочках, сидящих верхом на парящих в воздухе больших черных жуках. Крылья жуков так быстро мелькали за спинами наездников, что их почти невозможно было различить.

«А ты думала, в сказку попала?» — промелькнуло у нее в голове выражение, которое часто употребляла Светка Новоруссова.

Человечки молча смотрели на Машу, а Маша — на них. Вдруг ей послышался звон колокольчиков. Оказалось, это звенели человечки.

— Помогите мне! — в отчаянии сказала девочка. — Я заблудилась, устала, замерзла и очень боюсь остаться одна в этом лесу.

Человечки позвенели, словно переговариваясь, потом полетели прочь — очень медленно и оглядываясь на Машу.

— Мне можно идти за вами? — спросила Маша. Бежать уже не было сил. Человечки явно хотели, чтобы она двигалась за ними — если девочка отставала, они терпеливо поджидали, тихонько перезваниваясь.

Вдруг впереди, между деревьями, Маша увидела голубой неяркий свет и услышала веселую музыку. Надежда придала ей сил, и она поспешила к свету, почти обогнав человечков. Вместе они вышли на полянку, окруженную со всех сторон высокими соснами.

Сначала Маше показалось, что на полянке, освещенной луной, стоит домик. Присмотревшись, она поняла, что луна на самом деле — маленький голубой светящийся шарик, висящий низко над поляной, почти над самой Машиной головой, а домик — небольшой фургончик на колесах. Два его узких окошка были закрыты узорчатыми ставнями, сквозь которые пробивался чуть колеблющийся уютный оранжево-желтый свет, из фургончика лилась музыка и вкусно пахло булочками и шоколадом.

Маша с радостью поспешила было к фургончику, но, вспомнив про своих проводников, остановилась и обернулась. Человечки, тихонько перезваниваясь, висели в воздухе на краю поляны и махали ей листиками словно платками. Маше стало стыдно, что она не поблагодарила их. Девочка достала пакетик фруктовых леденцов, надорвала его, выложила на ладонь пять конфеток — ровно столько, сколько было летающих человечков, — и протянула руку в их сторону.

— Угощайтесь! — неловко сказала Маша.

Человечки, позвеневав, подлетели к девочке, по очереди взяли из ее ладони по леденцу. Последний, взяв подарок, снял свою шапочку с синим фонариком и бросил ее в руку Маши.

СКВОЗНЯКИ

— Это мне? — удивилась та, рассматривая шапочку — ей очень нравился свет фонарика, точь-в-точь как огоньки на железнодорожных путях. Человечки, громко звеня, улетели обратно в лес, и Маша крикнула им вслед:

— Спасибо!

Когда их огоньки перестали мелькать среди деревьев, Маша, рассмотрев шапочку и обнаружив, что она крепится на завязках, привязала ее к пуговице, на которую закрывался внутренний карман куртки. Сквозь куртку фонарик не просвечивал, зато, когда девочка расстегивалась, светился ярко-ярко. Плотно запахнувшись, одернув юбку и пригладив волосы, Маша подошла к фургончику и решительно постучала в дверь. Музыка внутри смолкла. Маша постучала еще раз — запах свежих булочек придал ей храбрости. Дверь открылась, и на пороге появился маленький толстенький человечек с пушистыми седыми бакенбардами и в круглых блестящих очках. Он с недоумением воззрился на девочку.

— Добрый вечер, — осторожно начала Маша, — извините за беспокойство, но я заблудилась и мне нужна помощь.

— Город в той стороне, — указал человечек куда-то вбок и попытался закрыть дверь.

— Подождите! — чуть не заплакала Маша, вцепившись обеими руками в дверь. — Я боюсь одна в темном лесу!

— Девочки не ходят одни в темном лесу, а ведьм и кикимор я в свой дом приглашать не собираюсь! — Коротышка был непреклонен.

— Я не ведьма и не кикимора, я правда заблудилась, пожалуйста, не прогоняйте меня, или я умру у вашего порога! — взмолилась Маша, с надеждой глядя в доброе, но строгое лицо негостеприимного хозяина.

— В самом деле? — высокомерно поинтересовался человечек. — А что такое у тебя светится под одеждой?

Маша обнаружила, что, пока она боролась за дверь, ее куртка распахнулась и светится изнутри ярко-синим светом.

— Меня проводили к вам такие человечки, летающие верхом на насекомых, — призналась Маша, — один из них дал мне вот это.

И она показала старичку привязанную к пуговице шапочку.

— Колокольцы показали тебе мой дом? — Брови у человечка поднялись так высоко, что почти скрылись в седых кудрявых волосах. — Так ты Сквозняк?

— Я очень хочу пить, — тихо-тихо сказала Маша, опускаясь на землю. Она сильно устала, и последняя вспышка эмоций опустошила ее полностью.

— Клянусь тигровым ежиком! Да ты и в самом деле на ногах не стоишь! А я-то хорош! — забеспокоился коротышка, подхватил Машу и помог ей подняться в фургон. Усадил ее в низенькое кресло у пылающего